

Лассаль Фердинанд

**Сочинения Фердинанда
Лассаля**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ф43

Ф43 **Фердинанд Л.**
Сочинения Фердинанда Лассаля / Лассаль Фердинанд – М.: Книга по Требо-
ванию, 2024. – 404 с.

ISBN 978-5-519-92531-0

ISBN 978-5-519-92531-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	стр.
Предисловіе	IX
I. Происхожденіе и юношескіе годы Лассалля. Его дневникъ	XI
II. Процессъ графини Гатцфельдъ	XVI
III. Дѣятельность Лассалля въ революціонный годъ. Рѣчь предъ судомъ присяжныхъ	XX
IV. Годы реакціи. Исходъ процесса Гатцфельдъ. Философія Гераклита.	XXII
V. Новая эра. Итальянская война. Францъ фонъ-Зиккингенъ	XXVI
VI. Система приобрѣтенныхъ правъ	XXXIII
VII. Лассаль и берлинское общество. Лотаръ Бухеръ и «Юліанъ Шмидтъ»	XXXIX
VIII. Три первыхъ рѣчи Лассалля въ Берлинѣ: «Философія Фихте»; «О сущности конституціи»; «Программа рабочихъ»	XLIV
IX. Уголовный процессъ Лассалля. Рѣчь: «Наука и рабочіе». Статья о косвенныхъ налогахъ	LI
X. Основаніе Всеобщаго Нѣмецкаго Рабочаго Союза. «Гласное отвѣтное письмо». «Къ рабочему вопросу». Книга для чтенія рабочихъ	LIII
XI. Первоначальная дѣятельность Лассалля въ Союзѣ и поворотъ въ его тактикѣ. Рѣчь при объѣздѣ Рейнскихъ организацій Союза	LXV
XII. «Осада» Берлина и — Бисмарка. Обращеніе къ берлинскимъ рабочимъ и процессъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ	LXXIV
XIII. Главноеэкономическое сочиненіе Лассалля: «Вастіа-Шульце изъ Делича или Капиталъ и трудъ»	LXXX
XIV. Последніе мѣсяцы въ предѣлахъ Германіи. Ронсдорфская рѣчь и Дюссельдорфскій процессъ	LXXXVI
XV. Борьба Лассалля изъ-за Елены фонъ-Деннигесъ и его смерть	XCIV
XVI. Трудъ жизни Лассалля	CII

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Этотъ біографическій очеркъ долженъ изобразить крупными штрихами жизнь, дѣятельность и стремленія Ф. Лассалля. Я тѣмъ охотнѣе работалъ надъ его составленіемъ, что многократно убѣждался на собраніяхъ, какъ въ особенности молодое поколѣніе рабочихъ мало знаетъ о Лассаллѣ и богатое духовное наслѣдство, оставленное имъ рабочему классу, оказывается большинству совершенно неизвѣстнымъ. Пусть этотъ очеркъ напомнитъ многимъ о существованіи Лассалевскаго наслѣдства.

Изложенные въ этой работѣ взгляды о Лассаллѣ по многихъ пунктахъ различны отъ сужденій, высказанныхъ нами ранѣе въ общемъ введеніи къ нѣмецкому изданію собранія сочиненій Лассалля. Эти различія взглядовъ обусловливаются болѣе глубокимъ изученіемъ Лассалля и моимъ теоретическимъ приближеніемъ къ его міровоззрѣнію. Теперь его духовный образъ стоитъ предо мной въ болѣе ясномъ и законченномъ видѣ, чѣмъ въ то время, когда писалось упомянутое введеніе.

Въ остальномъ и здѣсь, какъ всегда, я прежде всего стремился къ восстановленію истины, а не къ слѣпому прикрашиванію и возвеличенію Лассалля.

Я хотѣлъ дать научную оцѣнку заслугъ пробудителя германскаго рабочаго движенія.

Рабочій классъ не нуждается въ житіяхъ святыхъ. Онъ настолько политически зрѣлъ, что пойметъ не только достоинства своихъ вождей, но и присущіе имъ недостатки. Но и Лассалль можетъ вынести свободное обсужденіе его ошибокъ и слабостей, являющихся пятнами на звѣздѣ первой величины...

Берлинь.

Эд. Бернштейнъ.

I.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ И ЮНОШЕСКІЕ ГОДЫ ЛАССАЛЯ.

Его дневникъ.

Фердинандъ Лассаль родился 11-го апрѣля 1825 года въ Бреславлѣ. Его отецъ, Гейманъ Лассаль, былъ зажиточный торговецъ шелкомъ и, согласно имѣющимъ свидѣніямъ, дѣловой человѣкъ съ твердымъ характеромъ. Самъ Лассаль всегда отзывался о немъ съ уваженіемъ и любовью. Мать симпатичной была, повидимому, его мать, отъ которой онъ унаследовалъ и часть своихъ недостатковъ.

Онъ выросъ стройнымъ, красивымъ и необыкновенно способнымъ мальчикомъ, во многихъ отношеніяхъ развитымъ не по лѣтамъ. Объ этомъ свидѣлствуетъ его дневникъ, опубликованный лишь въ 1891 году, который онъ началъ вести пятнадцатилѣтнимъ юношей, съ 1-го января 1840 года и продолжалъ до весны 1841. Давая возможность глубоко заглянуть въ семейную жизнь Лассалей и духовное развитіе самого автора, его дневникъ непреднамеренно и потому безъ прикрасъ рисуетъ бытовую картину тогдашняго времени.

Сначала Лассаль посѣщалъ реформированную гимназію въ Бреславлѣ, а затѣмъ, ко времени составленія дневника, учился въ бреславльской гимназіи Магдалены. Онъ далеко не былъ «примѣрнымъ» ученикомъ, постоянно имѣлъ столкновенія со своими учителями и продѣлывалъ всѣ шалости легкомысленнаго и своенравнаго школьника. Отъ своихъ школьных работъ онъ стремился отдѣлываться наилегчайшимъ способомъ и, въ случаѣ необходимости, не задумывался списывать рѣшенія задачъ у товарищей по классу. Но его дневникъ свидѣлствуетъ, что онъ въ то же время читалъ съ большимъ интересомъ и пониманіемъ сочиненія, обычно совѣсьмъ не интересующія дѣтей его возраста. Въ 15 лѣтъ онъ не только умѣлъ держать себя «какъ пожилой», но и взрослые часто въ разговорѣ относились къ нему какъ къ большому. Характерно для него слѣдующее замѣчаніе, занесенное имъ въ дневникъ 4-го апрѣля 1840-го года, когда отецъ посоветовалъ ему бросить чтеніе нѣмецкихъ романовъ и стиховъ, а лучше заняться чтеніемъ греческихъ и латинскихъ поэтовъ.

«Итакъ, по мнѣнію отца, изученіе классиковъ не можетъ быть само по себѣ цѣлью; значить, Гомера надо читать не для того, чтобы облагородить умъ и сердце, насладиться красотами его поэтическаго генія и подвергнуться его воздѣйствію на наши моральные принципы, а лишь чтобы выучиться греческому языку!»

За 4 дня предъ тѣмъ, 31 марта, говорится въ его дневникѣ: «Сегодня, вставъ утромъ, я читалъ «Музаріонъ», «Граціи» и «Обвиненный Амуръ» Виланда. О, этотъ сладострастный проказникъ, старый грѣховодникъ, влюбленный, которому дороже всего закругленность женской груди!.. Намъ постоянно внушаютъ нелюбовь къ плохимъ романамъ и совѣтуютъ читать однихъ классиковъ. А вотъ не угодно-ли кому почитать солиднаго Виланда,—развѣ опъ не никантибе самаго неприличнаго изъ романо въ Поль-де-Кока?»

Итакъ, еще не достигшій пятнадцати лѣтъ юноша уже читалъ Поль-де-Кока и съ видомъ знатока разсуждаетъ о соблазнительности писаній его и Виланда.

Нѣсколькими недѣлями позже, еще въ апрѣлѣ 1840 года, отецъ убѣждается, что Фердинандъ въ теченіе долгаго времени обманывалъ его насчетъ школьных успѣховъ и поддѣлывалъ отцовскую подпись на свидѣтельствахъ объ отмыткахъ. Въ результатъ этого открытія, которое вызвало у отца слезы огорченія, Лассаль, послѣ настоятельной просьбы, отдается въ Лейпцигское Коммерческое училище. Но и тамъ продолжаются бреславльскія выходки. Лассаль бездѣльничаетъ, у него постоянныя столкновенія съ преподавателями и товарищами по ученію, но остается исключительно развитымъ.

Свидѣтельство за августъ 1841 года заключаетъ хорошія отмытки по всѣмъ главнымъ предметамъ.

Но въ примѣчаніи говорится: «Могъ-бы успѣвать лучше. Требуешь строгаго надзора». Къ этому директоръ прибавляетъ: «Не пользовался уваженіемъ ни преподавателей, ни учениковъ». Однако, съ этимъ неуваженіемъ дѣло не такъ просто. Причину этого мы не можемъ усмотрѣть исключительно въ прежнихъ недостаткахъ и шалостяхъ Лассали. Въ немъ пробудился новый духъ. Пятнадцатилѣтній юноша началъ интересоваться политикой и сдѣлался горячимъ демократомъ.

Его дневникъ подтверждаетъ написанное имъ Карлу Марку много лѣтъ спустя: «Мои письменные документы и замѣтки доказываютъ, что съ 1840 года я сталъ революціонеромъ». (Письмо къ Марку отъ 11-го марта 1860 года). Приведемъ здѣсь нѣкоторыя характерныя мѣста дневника:

«Вольше ничего, какъ я принялся за чтеніе книги Эльснера: «Замѣчательные дни Наполеона». Изумительно сильный языкъ и страстная ненависть къ деспотизму тирановъ. Прямо невѣроятнымъ.

кажется, что у нѣмца можетъ быть такъ велика любовь къ свободѣ. Прекрасная книга!» (3-го и 4-го іюля 1840 г.). «Я не знаю, но чувствую однако, что несмотря на свои теперешнія революціонно-демократическо-республиканскія убѣжденія, будучи на мѣстѣ графа Лаванья, я дѣйствовалъ бы такъ-же, какъ онъ и не удовольствовался бы званіемъ перваго гражданина Генуи, а протянулъ бы руку къ царской діадемѣ. А изъ этого слѣдуетъ, если разсмотрѣть дѣло внимательнѣй, что я—просто эгоистъ. Родись я принцемъ или княземъ,—изъ меня вышелъ бы аристократъ и тѣломъ, и душой.

Теперь-же, какъ сынъ простаго гражданина, я современемъ буду демократомъ». (19 іюля 1840 г.).

О какой вдумчивости, какой склонности къ самокритикѣ свидѣтельствуя эти выдержки!..

«Я-же, наперекоръ совѣту родителей, которые хотѣли склонить меня къ ученью, добровольно отрекся отъ всякой эстетической жизни, чтобы стать лавочникомъ... Но это произошло оттого, что, благодаря преждевременной зрѣлости вообще, я раньше времени очутился на распутьи. И если не родители, то невыносимость моего тогдашняго положенія вынуждала меня порвать съ нимъ цѣною всего на свѣтѣ. Я увидѣлъ, что не смогу долже плести сѣти лжи, что не могло продолжаться... И, говоря правду, я совершенно не считаю себя вынужденнымъ лишаться участія въ общественной, эстетической и политической жизни... Я довѣряюсь случаю и моей непреклонной волѣ больше заниматься музами, чѣмъ бухгалтеріей, Элладой и Востокомъ, чѣмъ индиго и свекловицей, заняться Таліей и ея жрецами, а не лавочниками съ ихъ приказчиками. Я твердо рѣшилъ болѣе заботиться о свободѣ, чѣмъ о цѣнахъ на товары, и яростнѣе проклинать собакъ аристократовъ, отнимающихъ у людей ихъ высшее благо, чѣмъ сбивающихъ цѣны конкурентовъ. Но одними проклятіями дѣло не ограничится»... (3-го августа 1840 г.).

«Но нѣтъ, я не желаю, хотя и къ этому нашелся бы талантъ, (!) сдѣлаться хихикающимъ и трусливымъ придворнымъ! Я хочу провозглашать народамъ свободу, если-бъ даже это грозило неминуемой гибелью... О, Франція, страна моихъ заветныхъ стремленій и грезъ! Какъ влечетъ меня къ тебѣ! У тебя царствуетъ свобода, завоеванная тобой.

Но ты еще не сложила оружія. Ты поняла, что предстоитъ еще совершить, и не даешь себя усыпить обѣщаніями подлыхъ аристократовъ». (24 августа 1840 г.).

«Вообще, я жалѣю, что не продолжалъ образованія. Теперь мнѣ ясно, что я хочу быть писателемъ... Изъ Парижа, изъ страны свободы, хочу я, какъ Бёрне, обращаться съ вольной рѣчью ко всѣмъ народамъ земли. Тогда всѣ князья содрогнутся и поймутъ, что пришелъ конецъ ихъ господству.

И при этомъ какихъ только препятствій я не воздвигалъ на своемъ пути! Какъ будутъ насмѣхаться мои противники надъ бѣглымъ приказчикомъ, смѣнившимъ аршинъ на перо... «Приказчикъ!» «Аршинникъ!» — будутъ они шипѣть изъ всѣхъ угловъ. Но выстъ съ тронами должны рушиться и сословныя привилегіи.

И приказчикъ заставить ихъ умолкнуть». (24 августа 1840 г.).

«Я люблю его, этого Гейне, онъ—мое второе я. Эти смѣлыя идеи, эта всеразрушающая сила языка!.. И этотъ человекъ сорвалъ съ головы яacobинскую шапочку и нахлобучилъ на свои благородные локоны форменную шляпу съ галунами?

И все-таки я всегда думаю, что онъ насмѣхается, когда говорить: «Я — роялистъ, я не демократъ!» По моему, это—иронія и. можетъ быть, оно такъ и есть». (9 сентября 1840 г.).

«Сегодня послѣ обѣда Гейшкель (учитель) возвратилъ мнѣ нѣмецкое сочиненіе «Правила дружбы».

Въ этой работѣ я подвергъ безпощадной критикѣ весь классъ филистеровъ и глупыхъ теоретиковъ. Далекій отъ мысли выставить какія-либо правила дружбы, я сдѣлалъ изъ моей работы жестокое нападеніе на тѣхъ, которые хотятъ нормировать даже чувства... Гейшкель сначала затѣялъ-было споръ, но я вышелъ побѣдителемъ. За идеальность выставленнаго мною понятія объ истинной, благородной дружбѣ нѣкоторые называли меня безразсуднымъ. Несчастные! Если теперь они такъ разсудительно говорятъ о дружбѣ, то что-же они запюютъ о ней въ 50 лѣтъ...

Сегодня я игралъ въ вистъ съ Л., который пришелъ ко мнѣ въ гости. Такое отсутствіе чувства собственного достоинства является мнѣ совершенно непонятнымъ. Прійти къ человѣку, который вчера указалъ мнѣ на дверь!

Этого я не могу постичь.

Противное чувство испытываю я, когда наблюдаю людей подобныхъ этому. Въ нихъ я вижу живыя основанія къ тому презрѣнію, съ которымъ относились къ еврейскому народу. Подобные люди и привели къ этому. Эта низость взглядовъ, пресмыканіе, эта подлость—фу, какая отвратительная смѣсь! Я разговариваю съ Л. и позволяю ему бывать у меня, чтобы изучать характеры этого рода. Единственно-хорошая черта характера, которая у него сильно развита, это — прирожденное еврейское добродушіе». (17 февраля 1841 г.).

«Сегодня давали «Эгмонта». Надо-бы изумляться тому, какъ вѣчно улыбающійся Гете могъ создать произведеніе, въ которомъ такъ много говорится о свободѣ и конституціи. Хотя рѣчь идетъ о свободѣ другого народа, а не относительно собственныхъ князей». (27 марта 1841 г.).

Изъ этихъ отрывковъ видно, какъ бродитъ въ юной головѣ. Конечно, нельзя разсматривать всѣ приведенныя здѣсь сужденія,

часто поражающія своей рѣзкостью, какъ исключительный плодъ собственныхъ размышлений Лассалья. Кто знакомъ съ литературой молодой Германіи и въ особенности сильно заявлявшей о себѣ къ тому времени радикальной лѣвой гегельянства, тотъ разслышитъ въ мнѣніяхъ Лассалья отголоски этой литературы. Но его сужденія представляютъ нѣчто большее, чѣмъ простое эхо. Мысли дѣйствительно пустили корни въ его головѣ и дали новые ростки. Обуреваемый этими мыслями, проникнутый духомъ борцовъ съ прогнившими учрежденіями абсолютизма, Лассаль не успокаивается до тѣхъ поръ, пока не получаетъ у отца разрѣшенія бросить коммерческую школу и заняться наукой уже безъ опредѣленной узко-практической цѣли.

Послѣдняя запись дневника сообщаетъ о разговорѣ юнаго Лассалья съ отцомъ на Троицѣ 1841 года. На вопросъ отца, что онъ хочетъ изучать, Лассаль отвѣтилъ:

«Величайшую и обширнѣйшую науку міра, науку, самымъ тѣснымъ образомъ связанную съ важнѣйшими интересами человѣчества—исторію». На замѣчаніе отца, что онъ, какъ еврей, не можетъ рассчитывать на кафедру и соответствующую должность въ Пруссіи, а потому не лучше-ли ему заняться медициной или юриспруденціей, Лассаль возразилъ:

«Врачъ и адвокат—купцы, торгующіе своими знаніями». Онъ же хочетъ безкорыстно отдаться наукѣ ради нея самой и общественной дѣятельности. Не оказалъ дѣйствія на пламенную голову юноши и предостерегающій вопросъ отца, почему именно онъ, Фердинандъ, единственная надежда и опора въ старости родителей, обрекаетъ себя на мученичество.

«Если-бы каждый такъ разсуждалъ и прятался бы труслино», пишетъ Лассаль въ своемъ дневникѣ, «какъ-же при этомъ могли бы возникнуть борцы?»

Почему именно я долженъ стать мученикомъ? Почему? Да потому, что Богъ вложилъ мнѣ въ грудь голосъ, зовущій меня на борьбу, потому что Богъ далъ мнѣ силу, я это чувствую, которая дѣлаетъ меня способнымъ къ борьбѣ. Потому что я могу бороться и страдать за достиженіе благородной цѣли. Такъ какъ я не хочу обмануть Бога, давшаго мнѣ силы для опредѣленной цѣли! Однимъ словомъ—потому, что я не могу иначе!»

Отецъ все-таки не могъ понять сына вполне. «Онъ разрѣшаетъ мнѣ учиться, но при этомъ запрещаетъ служеніе святой, всеобъемлющей идеѣ, которую называетъ либерализмомъ! Какъ будто не она именно влечетъ меня къ наукѣ и не за ея торжество я хочу бороться. Не будь ея,—я лучше остался бы, чѣмъ былъ». Этими какъ-бы программными словами, выражающими возвышенность стремленій духа Лассалья, вступившаго въ юношескій возрастъ и заканчивається его дневникъ. Заключение, достойное автора.

Лассаль начинает готовиться къ поступленію въ университетъ, воодушевленный идеями, послѣдователемъ которыхъ онъ себя призналъ. Это были идеи стараго, великаго, широкозахватывающаго либерализма, еще объединявшаго всѣ стремленія къ освобожденію человѣчества.

Въ цитированномъ выше письмѣ къ Марксу Лассаль говоритъ также, что онъ былъ «съ 1843 года—убѣжденный социалистъ». Слѣдовательно, лишь два года спустя послѣ написанія вышеприведенныхъ строкъ дневника, онъ уже воспринялъ идеи социализма въ томъ видѣ, какъ онѣ появились на страницахъ «Рейнской газеты» и другихъ органовъ того времени. Восемнадцатилѣтній юноша не могъ остановиться на подорожѣ въ своемъ духовномъ развитіи.

Черезъ годъ послѣ ухода изъ коммерческой школы Лассаль былъ уже въ состояніи сдать приемный экзаменъ въ университетъ. Сначала онъ изучалъ языковѣдѣніе, потомъ началъ заниматься философіей и набросалъ планъ большой работы, задѣвающей обѣ сферы знанія. Онъ хотѣлъ изучить философію Гераклита Эфесскаго, греческаго философа который, по трудности пониманія всегда былъ камнемъ преткновенія ученыхъ, но при этомъ наиболее ясно изъ всѣхъ ученыхъ древности высказалъ революціонную мысль, что міръ находится въ процессѣ непрерывнаго развитія. И фактъ, что для своей первой работы Лассаль выбралъ изслѣдованіе и систематическое изложеніе лишь отрывочно сохранившихся изреченій этого мыслителя, свидѣтельствуетъ какъ о большой увѣренности Лассали въ своихъ силахъ, такъ и о его преданности великимъ идеямъ человѣчества. Но завершить этотъ трудъ онъ смогъ лишь 14 лѣтъ спустя.

II.

ПРОЦЕССЪ ГРАФИНИ ГАТЦФЕЛЬДЪ.

Университетскія занятія сначала привели Лассалья въ Берлинъ, гдѣ онъ вращался въ избранныхъ кругахъ ученаго міра и получилъ отъ Александра Гумбольта прозвище: «чудо-ребенокъ». Въ 1845 году онъ побывалъ съ научными цѣлями въ различныхъ бібліотекахъ области Рейна и наконецъ въ Парижѣ. Тамъ онъ, между прочимъ, познакомился съ Гейнрихомъ Гейне и оказалъ жившему въ изгнаніи поэту серьезную помощь въ тяжбѣ о наслѣдствѣ. Сколь высокаго мнѣнія былъ Гейне о Лассалѣ, объ этомъ свидѣтельствуетъ его рекомендательное письмо, данное къ Фарнгагену-фонъ-Энзе при отъѣздѣ Лассалья. Въ письмѣ говорится о Лассалѣ: «Основательная ученость, обширнѣйшія познанія, величайшая проницательность, когда-либо встрѣченная мною, соединены въ немъ съ